

1

Опоздала... Ой, ой, ой! Еще в лифте сняла полушубок (вообще-то, ему пора валяться на полу в прихожей вместо коврика), выходя из лифта, потеряла перчатки и вернулась за ними; размотав шарф, не заметила, что он волочится по полу.. В общем, утро началось в обычном режиме гонки. Главное — делать вид, что не опоздала, а задержалась по неотложным делам. Правда, обычно задерживаются начальники, но никак не рядовые пчелки.

— Зойка! — взвизгнула редактор новостей (хорошенькая и глупенькая), высунув голову в дверную щель. — Где тебя носит?

— По библиотекам, — нагло солгала Зоя. — Материал собираю для фильма...

— К черту твои фильмы! — зашипела Валентина Павловна. — Кому они нужны? Срочно в студию! Поработаешь говорящей головой в кадре.

— Светик мой, — сдержанно процедила Зоя, хотя так и хотелось ударить по двери или, еще лучше — прямо по беленькой головке редакторши, — я ведь не диктор...

— Динка заболела, больше некому, через пять минут эфир, — уже рычала та, как собака на цепи.

Зоя не стала пререкаться. Она не любит сидеть в кадре, но именно ей приходится замещать больных и убогих или срочно уволившихся дикторш.

Вот и сейчас влетела в студию, плюхнулась на

место за столом, вытрясла из сумки содержимое, нашла косметичку и торопливо, кое-как стала рисовать лицо.

— Осталось три минуты, — нависла над ней Валентина Павловна, потрясая текстом, который должна выговорить Зоя.

— Пусть заставку подержат пару минут, — невозмутимо сказала она, автоматически нанося макияж.

Валентина Павловна младше на три года, но ее приказано величать по имени-отчеству, потому что она мужняя жена, а муж у них-с не кто-нибудь — директор частного канала. Короче, она здесь главная. Нервозную обстановку Валенька создает на пустом месте ежедневно, реагировать на ее хамство и выпады — никакого здоровья не хватит, посему Зоя избрала тактику пофигистки. Но это до поры до времени, пока не выгонят, а что потом будет делать Зоя в данном городе, где только на единственном канале (а их почему-то четыре!) держат авторский отдел, — неизвестно.

— Девочки, пошел поцелуй в диафрагму, — сообщил оператор.

«Поцелуем в диафрагму» телевизионщики окрестили сладкие финалы американских фильмов. Это означало, что сейчас начнется заставка, а Зоя еще не накрутила губы и не расчесалась — парикмахеры да гримеры на студии не предусмотрены, слишком большая роскошь. Кстати, «привилегия» начинать эфир вовремя только у Зои, остальным разрешено задерживать программы. Они, остальные, могут даже нечаянно забывать включить фильм, а потом — когда заканчивается отведенное на него время — выключить, не показав зрителям долгожданный «поцелуй в диафрагму». И, между прочим, за экстренную помощь Зое забывают выплатить премиальные.

— Начинаем, — объявил оператор.

Зоя смахнула со стола все, что на нем лежало, на пол, перед ней упал текст, который она взя-

ла в руки, и уткнула глаза в печатные буквы. Через несколько секунд улыбнулась в камеру:

— Доброе утро, в эфире телекомпания Шестой канал...

После эфира Зоя дымила в курилке, приводя нервы в порядок, — пару раз оговорилась, за что получила выговор от Валеньки, которая сама сядет в кадр только в одном случае: когда вызубрит текст наизусть. Она-то обожает торчать на экране, да только главный редактор ее туда не пускает. Зоя не заметила, как в курилке появился Смехов — удивительно нерадостный тип, безмерно важный. Это у него способ оградить себя от амикошонства молодняка и наездов начальства, к такому типу не пристают почем зря. Зоя пыталась брать с него пример, но... не дано.

— Что читаешь? — спросил он, закуривая.

— Как думаешь, подобное можно произносить без запритыка? «Вчера возложили венки в честь траура и скорби...» Нет, каково, а? В честь траура и скорби! Слушай дальше: «Мы будем возлагать цветы *куда только можно*, а вы должны всех *возбуждать* на эту работу».

— И кто приказывает возбуждать?

— Ай, да перлы местной власти... — опутив текст, покривилась Зоя. — Понимаешь, у меня идиотская привычка в смысл вчитываться, а вчитываясь, я сата-нею от нелепицы и спотыкаюсь на словах.

— Это еще ладно... Ты сидела на эфире и не слышала, что наш зам мэра выдал в интервью. Цитирую: «Надо все дома покрасить в трехфаллосный цвет». — Зоя закатилась от хохота. — Наверное, зам мэра хотел сказать в триколор, но его фаллос, очевидно, в тот момент находился в актуальном состоянии. А наши пропустили фразочку. Ой, что будет...

— Не слышала, иначе скончалась бы на месте. Слава богу, я читала следующую подводку к новостям. Хотя какие у нас новости? Откуда? Ни

одного острого репортажа нельзя сделать, потому что любая критика будет выпадом против администрации города.

— Тебя это заботит?

— Конечно. Не век же я буду торчать тут, мои профессиональные качества просто тают на почве «все хорошо, прекрасная маркиза». При первом же удобном случае уеду.

— У тебя никогда не будет такого случая, — «обнадежил» Смехов. — Мы все обречены прозябать в провинции и кланяться в пояс барам. Кстати, тебя искала Жертва Каракурта.

Так за глаза называют бывшую жену директора. Он с ней давно развелся, но предоставил работу на своем канале. «Доброта» из дамочки тоже льется водопадом, как из Валентины, только в десять раз мощнее, за что и получила злую кличку. Зоя давно пришла к выводу: женщины-начальницы — настоящие исчадия ада.

— Ей-то что от меня нужно? — озадачилась она. — У меня монтаж. И так чертовы новости забрали время, теперь, боюсь, не успею.

— Что ваяешь?

— Заказуху. Фильм о гуманных акциях отдела администрации по борьбе с молодежью.

— Ты договоришься...

— А что я не так сказала? — вскинула брови Зоя.

— Отдел по делам молодежи, а не по борьбе с молодежью.

— Точно, договорюсь. Пока.

В коридоре ее перехватила Жертва Каракурта — координатор. Что координирует бывшая жена — одному шефу известно, но она очень деятельная натура, эдакий гибрид перпетуум-мобиле с иерихонской трубой. Что можно сказать о ней еще? Внешне —

Савелий Крамаров в женском варианте. Пожалуй, все.

— Зоя, я уже собралась в розыск подавать! — завизжала Жертва Каракурта. — Живо к директору!

— Зачем? — притормозила Зоя.

— Что за вопросы? Он требует тебя!

Смехов, проходя мимо, шепнул:

— Учти, он не в духе. Сегодня день зарплаты.

Деньги отдавать шеф страсть как не любит. По ведомости все получают копейки, за которые даже бомж работать не станет, а «добавку» в конвертах он выдает лично и притом едва не рыдает.

— Я к директору, — сказала Зоя секретарше, еще одной жабе в кедах. Вообще-то, она кеды не носит, на работе переобувается в тапочки по причине ревматизма. Однако почтенный возраст и ревматизм ей не мешают быть редкой стервой.

— Подожди, сейчас узнаю, примет ли он тебя.

— Вроде бы очереди к нему нет, — съязвила Зоя. Ну все! День пошел наперекосяк, язык тоже.

— Подожди, — величественно процедила секретарша, скрываясь в кабинете. Вышла сразу же: — Заходи, Вадим Рудольфович ждет.

Тот был не один, а в компании с главным редактором. Эти господа не какие-нибудь там бесправные наймиты, держат в кармане по десять процентов акций канала, а посему прибрали руководство к рукам. Остальная часть акций принадлежит местному магнату, которому на дела канала плевать, нужен он ему только в момент выборов. Оба начальника явно сейчас чем-то озабочены, но, судя по всему, не сексуально, хотя обоим по сорок пять. К счастью, ни один из них не приставал к Зое, это еще одна причина, по которой она все еще остается здесь. Важность Смехова меркнет перед директорской важностью, которой тот заполнен, как бочка дегтем. Собственно, его компания на первом месте в городе, есть повод изображать из себя эпохальную личность. Кстати, несмотря на патологическую жадность, он содержит не-прибыльный авторский отдел, в котором рабо-

тает Зоя, и спасибо ему, благодетелю, что есть работа. Остается добавить, что имидж каналу создает как раз авторский отдел, но об этом ни словом не упоминается никогда.

Вадим Рудольфович с величавостью партийного босса достал конверт и без сожаления (вот ведь странно!) отдал его Зое:

— Твоя зарплата. Садись.

Речь его медлительно-многозначительная, почти как тост-притча. Но не из-за денег же он потребовал к себе Зою... Обычно за деньгами все бегают сами, а он, наоборот, убегает. Она присела на стул и предпочла не задавать вопросов. Продолжил главный редактор (внешне — копия Муссолини):

— У нас заказ, Зоя. Тебе предстоит срочно взяться за работу.

— Срочно? А как же фильм для отдела по борьбе с молодежью?

Ну вот, опять оговорилась. К счастью, начальники не обратили внимания, а то бы последовала лекция на тему: «Как можно! Из-за таких, как ты, нас и долбят...» — ну, и тому подобное.

— Доделают без тебя, — сказал Вадим Рудольфович, (по прозвищу — Главнюк).

— О чем должен быть фильм? — решила не спорить Зоя, так как ей самой не в кайф было заниматься мурой про дела молодежи, не стоящей затрат времени. Возможно, хоть новая работа будет интересной.

— Пока не знаем.

У Зои вытянулось лицо, брови поехали вверх. Надо сделать фильм, но о чем — неизвестно. Это как? Осталось выслушать до конца, чем еще обрадуют.

— Видишь ли, — вступил Вадим Рудольфович (во время его тоста-притчи и заснуть недолго!), — мне позвонил заказчик, предложил полмиллиона рублей за изготовление фильма. Но с условием, что делать его будешь ты, он видел твои работы.

10 За какой-то фильм — наверняка нужна скры-

тая реклама — полмиллиона? Весьма большие деньги для скромной провинциальной компании. Однако пора что-нибудь сказать, Зоина удивленная пауза чересчур затянулась...

— И все? А тема? — спросила она.

— Он ничего не сказал. Только поинтересовался, как мы берем деньги, и согласился отдать наличкой.

Разумеется, наличка жарче греет руки, чем перечисление, часть которого придется кинуть на налоги, а наличку можно всю прикарманить. Что трогательно — шеф не скрыл от Зои данный факт. Получается — доверяет.

— А как мне делать фильм, не зная, про что его делать? — не выдержала и прервала очередную, теперь многозначительную начальственную паузу Зоя. Она занервничала, подумав про себя: неплохо бы из суммы в полмиллиона отхватить хоть одну миллионную часть.

— Он созвонится с тобой, — сказал Вадим Рудольфович — Я дал ему твои телефоны. К работе приступишь, когда он отдаст нам хотя бы аванс.

— Ладно, посмотрим.

— Зоя, смотреть не надо! — заявил Главнюк. — Надо делать!

— Понятно, — встала она и... набралась наглости: — А мне не полагается процент?

— Зоя... — исторг директор предсмертный стон. — Зоя, ты получишь премиальные!

Вот козел. Нет, а кто он еще после этого? Зоя должна заработать ему полмиллиона, а ей полагаются всего-то премиальные, которые наверняка будут размером с пенсию дворника. А все потому, что знает, змей: эквивалентной работы она в городе не найдет, вот и пользуется своим правом сюзерена.

— Тогда я пока пойду и займусь монтажом, — вздохнула Зоя.

Хотелось добавить: «Чтобы вы не попрекали меня, будто получаю зарплату за здорово живешь».

Не добавила.

Зоя — личность незаурядная. Но в провинции любят ровное поголовье, и если ты случайно высовываешься, за незаурядность нещадно бьют по шапке. Зоя не прикипела к газетам, которые безумно скучны в данном регионе, а на телевидение попала случайно, после второго развода, когда приехала к маме. Мама разменяла квартиру, дочери отдала однокомнатную, себе оставила двухкомнатную. Зоина дочка живет у мамы — с ней веселей на пенсии сидеть, к тому же мама надеется, что дочь устроит личную жизнь. А та не сказала: у меня прививка от замужества — два брака, хватит экспериментов над собственным здоровьем. Благодаря маме Зоя имеет свободу и возможность заниматься любимым делом, а не порхать вокруг дивана с лежащим на нем мужем.

Тридцать один год — вовсе не возраст для табу на все прелести жизни для современной женщины, но Зоя предпочитает обходиться без них, без прелестей. Друга нет, хотя она, как говорят злые языки, — ничего себе внешне. «Ничего себе» — это серые глаза, соболи брови, маленький носик, сексуальный ротик. Завершают образ густые прямые волосы до лопаток орехового цвета (цвет изредка меняется, когда хочется перемен). А фигура — остолбенеть. Во всяком случае, признаков заболевания дистрофией нет, а есть все — ноги, талия, попка и грудь не минус два. Так вот, о друзьях. Те, кто набивался в «друзья», быстро откальвались, так как Зоя ненавязчиво давала понять, что постель у нее предназначена исключительно для сна. А если честно — претенденты ее не устраивали. Конечно, требования у нее несколько завышены, но тут уж ничего не попишешь. Зоя еще та штучка, с некоторыми вывертами, однако два бракованных брака принесли ей далеко не сладкие плоды. В довершение молодой женщине почему-то не везло на подруг — те попадались в двадцать раз богаче, но по непонятным причинам именно они завидовали Зое.

Дома она бросила в кастрюлю пельмени, купленные по дороге, и, пока они варились, позвонила маме. Там все в порядке. Ну и отлично. У Зои сейчас имелась халтурка — следовало дописать контрольную работу для одного олуха, отпрыска зажиточных родителей. Это дополнительные деньги, а дочери Зои нужна весенняя одежда. И лучше не думать, что за специалист выйдет из олуха. А вообще-то самой ей так хочется взяться за написание, например, романа... Только какие темы сейчас будут интересны и для кого сочинять роман?

Зоя поела пельмени в сметане, сидя перед компьютером и перечитывая контрольную. Прошлый раз мамочка олуха заявила, что она слишком хорошо написана, чересчур складно, поэтому сейчас Зоя тщательно вставляла нескладности, чтобы приблизить стиль работы к его недоразвитым мозгам. Раздался телефонный звонок, и она сняла трубку.

— Вы Зоя Артемовна? — спросил бархатный мужской голос. В такие голоса влюбляются заочно.

— Кажется, я. — Родное отчество Зое было слышать непривычно, на телестудии все обращаются друг к другу по именам, за редким исключением. — Простите, с кем имею честь разговаривать?

— Вас уведомили, что вы будете делать фильм по моему заказу?

— Да, — Зоя тут же потеряла интерес к компьютеру и к контрольной олуха. Правда, фраза собеседника резанула ухо, прозвучала приказом. Впрочем, а куда Зоя денется... — О чем должен быть фильм?

— Вы занимаетесь неординарными людьми, о них и пойдет речь. Мне известно, что ваши работы отмечали на фестивалях и форумах, так что, думаю, у вас получится интересно. Это должен быть профессиональный фильм, беспристрастный, а не тот ширпотреб, которым напичкано ваше телевидение.

Но прежде вы должны провести... журналист-

ское расследование. То есть выяснить подробности и честно отобразить их в фильме.

Зоя насторожилась. Она-то ожидала, что новая работа будет очередной заказухой с рекламой а-ля «Наша продукция лучшая в мире, покупайте только ее». На самом же деле «лучшая продукция» окажется, скажем, теми же суррогатными пельменями, которые слиплись сейчас в ее тарелке. Но за рекламу пельменей столько не платят! За чужую неординарность тоже. Что-то здесь не то...

— Алло, вы меня слушаете? — спросил обладатель бархатного голоса.

— Да, конечно. Кто же станет героем фильма?

— О, не все сразу! Первое. Я в курсе, что ваш директор неохотно платит своим сотрудникам, а лучший стимул — материальная заинтересованность. Поэтому я поставил ему условие: из той суммы, что заплачу я, он выдаст вам за изготовление фильма пятьдесят тысяч рублей.

— Неплохо, — нечаянно вырвалось у Зои. Она тут же простила собеседнику его покровительственный тон.

— Но это не все. Если вы все сделаете удачно, то дополнительно получите пять тысяч долларов. Устраивает?

— Э... ммм... Да! — сначала обомлела от неожиданности, а затем ожила Зоя. Да за такие деньги она согласна фуэте покрутить на пуантах!

— Теперь о фильме, — заговорил заказчик размеренным голосом деловых людей. — Это будет поступательная история из нескольких небольших сюжетов. Для того, чтобы сделать первый сюжет... У вас есть загранпаспорт?

— Нет.

— Тогда для начала приобретите паспорт. До свидания.

Зоя послушала гудки в полнейшем недоумении, положила трубку.

— Мда... начало многообещающее.

Несколько раз она принималась править контрольную, но ловила себя на том, что думает о заказчике. Конечно, у каждого есть свой бзик. Случается, бзик выходит за границы адекватности, и тогда по человеку дурдом плачет. У звонившего господина явно проблемы с крышей, но он, кажется, о них не догадывается. В задрипанном, жутко скучном и сонном городе ни одному кретину не придет в голову платить бешеные деньги за какой-то там фильм (к тому же не рекламный), который сляпают на дерьмовой аппаратуре. Но раз он все-таки платит, значит, это ему для чего-то нужно. Зоя не слишком верит в альтруизм вообще, и потому не верилось и в то, что господин с приличными «бабками» будто бы волнует чья-то неординарность.

Если задаться вопросом — кому нужны Зоины телерепортажи, облаченные в фантик документального кино, то честный ответ у нее один: лично ей. Для Зои они — способ реализации, самоутверждения и... самообмана: мол, твоя работа страшно нужна не то что данному городу, но и всему человечеству. Они — вроде как ее норка, изолирующая от не очень привлекательного мира. Вот кому сейчас интересен, например, некто Петров, совершивший двадцать подвигов в Корее, Вьетнаме и Африке, при том не получивший ни одной медали, потому что Советский Союз тогда «не воевал», а посему ордена давать было не за что? Ответ: очень немногие досмотрят до конца фильм о нем. Смотреть его будут разве что пенсионеры, а для молодежи он не станет поучительным просто потому, что молодежь такое не смотрит. Так зачем господину Икс нужен фильм о чьей-то неординарности? И кто должен стать героем сюжета?

Зоя успела-таки смонтировать заказуху. Потом с невероятными трудностями сдала ее заказчикам, которые искали блох в работе. И на-